

Д. Рогозин

Тестирование вопросов о социальном самочувствии

В зарубежной литературе базовым концептом, привлекающим внимание социальных психологов, является “счастье” (happiness). Отталкиваясь от вопроса, насколько счастливы люди, живущие в том или ином сообществе, психологи переходят к конструкту “субъективного благополучия” (subjective well-being)¹. Измерение этого концепта опирается на личные оценки человеком его собственной жизни по ряду когнитивных (например, удовлетворенность браком) и эмотивных (хорошее настроение, отсутствие негативных эмоций) компонентов или же просто требует согласиться или не согласиться с утверждением, что “в его обычной жизни все протекает благополучно” [Griffin. 1986. P. 7]².

Большинство социальных психологов уделяют основное внимание трем компонентам субъективного благополучия. Это не только детерминанты позитивного – наличие приятных эмоций, таких как радость, удовлетворенность и привязанность, и детерминанты негативного состояния – наличие или отсутствие неприятных эмоций, таких как страх, злость и уныние; а также личные суждения об удовлетворенности чем-либо [Diener, et al. 1999. P. 276; Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 19]. Выделяется и социаль-

ная компонента благополучия – оценка собственной жизни в контексте положения в обществе. В русскоязычной литературе принято использовать нейтральное понятие “социальное самочувствие” [Рубина. 1996. С. 72; Головаха, Панина. 1997. С. 7; Душацкий. 2004. С. 64]. С некоторыми допущениями, вслед за Е.И. Головахой и Н.В. Паниной, а также рядом других авторов [Жукова. 1994. С. 134] можно принять концепты социального самочувствия и субъективного благополучия в качестве синонимов, что позволяет не только проводить взаимодополняющую проблематизацию и выстраивать исследовательские параллели, но и заимствовать стратегии операционализации.

Объект и метод анализа

В индустрии изучения общественного мнения и массовых опросов социальная компонента благополучия оказывается одним из центральных концептов. Например, операциональная схема, использовавшаяся Фондом “Общественное мнение” более десяти лет³, опирается на прямое включение базовых концептов в два анкетных вопроса. В первом определяется место, или положение, человека в обществе через его

¹ См.: [Diener. 1994. p. 103; Diener, Sapyta, Suh . 1998. P. 34; Kafka, Kozma. 2002. P. 171; Rask, et al. 2003. P. 130].

² Видимо, для того чтобы оградить себя от психологических концептов, М.А. Гуревич, измеряя социальное самочувствие, когнитивные компоненты называет предметными, а эмотивные – тональными [Гуревич. 2001. С. 10]. Дальше переименования дело не идет.

³ С 2007 года ФОМ перестал использовать в опросах данную конструкцию вопроса.

приспособленность к сегодняшней жизни. В результате возникает различие адаптировавшихся и неадаптировавшихся респондентов.

Скажите, пожалуйста, удалось или не удалось Вам найти свое место в сегодняшней жизни?

- 1) безусловно удалось
- 2) скорее удалось
- 3) скорее не удалось
- 4) безусловно не удалось
- 5) затрудняюсь ответить

Второй вопрос – вспомогательный. Здесь возникает временная перспектива, соединение концепта адаптации и ожиданий от будущего.

Как Вы думаете, Вы (Ваша семья) сможете или не сможете в ближайшие год-два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?

- 1) безусловно смогу
- 2) скорее смогу
- 3) скорее не смогу
- 4) безусловно не смогу
- 5) затрудняюсь ответить

На основании пересечения вопросов создается типология, в которой оценки сегодняшнего благополучия дополняются параметром социального оптимизма или пессимизма (табл. 1).

В практике ФОМа, однако, присутствуют только три типологические группы, так как из-за недостаточной наполненности категории “неадаптированные оптимисты” людей, попадающих в нее, относят к группе “неадаптированные пессимисты”.

Именно эта схема социального самочувствия и стала объектом настоящего исследования⁴.

Нами опрошено 30 респондентов, каждому задавались два вопроса о социальном самочувствии, поэтому мы располагаем 60 единицами наблюдения. Каждая единица – это совокупный

Табл. 1. Типологические группы по характеру адаптации (по инструментам ФОМа)

	Удалось найти место в жизни	Не удалось найти место в жизни
Смогут жить лучше через год-два	адаптированные оптимисты	неадаптированные оптимисты
Не смогут жить лучше через год-два	адаптированные пессимисты	неадаптированные пессимисты

ответ на анкетный вопрос. Этот ответ, кроме адекватных реплик, содержит также уточняющие вопросы, сигналы непонимания или неуместные для данного контекста высказывания.

В ходе опроса обмен репликами фиксировался на пленку, а затем аудиозапись расшифровывалась. В качестве основы для кодирования выбран свободный ассоциативный метод, построенный на присвоении некоторому отрезку текста свободных понятий, формулируемых исследователем в ходе чтения и прослушивания аудиозаписи. Понятия не определялись заранее, а кодировались ad hoc (обнаружено новое значение – проверка соответствия уже существующим кодам – введение нового кода). Фактически процедура является составлением перечня конструктивных компонентов, которые проявляются в ходе реальной вопрос-ответной коммуникации с использованием описанной выше вопросной схемы.

Оговоримся, что тестируемые вопросы несколько различаются по характеристикам коммуникативной адекватности. Вопрос о том, удалось ли респонденту найти место в жизни, оказался лидером – в половине ответов на него никаких смещений не зафиксировано. А вот ситуация с вопросом о благополучии – предположительном уровне жизни в будущем – несколько хуже: доля ответов без смещений – 43%. Он – третий по уровню возникших затруднений⁵.

⁴ Два вопроса о социальном самочувствии тестировались наряду с другими социально-демографическими вопросами – образование, род занятий, профессиональный статус, доход. Подробнее см.: [Рогозин. 2006; Рогозин, Климов, Мануильская. 2006; Рогозин, Мануильская. 2006].

⁵ Подробнее о смещениях в тестируемых вопросах см.: [Рогозин. 2006].

Табл. 2. Количество смещений в тестируемых вопросах

(% по строке)

Вопрос	Количество смещений в одном ответе			
	смещений нет	одно	два	три
1. Удалось ли найти место в жизни	50,0	36,7	13,3	–
2. Сможете ли жить лучше через год–два	43,3	36,7	13,3	6,7
3. Образование	46,7	36,7	16,7	–
4. Род занятий	30,0	43,3	20,0	6,7
5. Профессиональный статус	46,7	43,3	10,0	–
6. Доход	33,3	30,0	16,7	20,0
Итого	41,7	37,8	15,0	5,6

Табл. 3. Частотность обнаруженных смещений в тестируемых вопросах

		Собственный дискурс	Меняется точка зрения	Сомнение в ответе	Отказ от ответа	Всего по строке
Удалось ли найти место в жизни	Абс.	1	6	4	8	19
	%	5,3	31,6	21,1	42,1	
Сможете ли жить лучше через год–два	Абс.	8	2	5	10	25
	%	32,0	8,0	20,0	40,0	

Вопросы различаются и по характеру обнаруженных трудностей и смещений. Вопрос о том, удалось ли респонденту найти место в жизни, содержит два типа смещений: как правило, это отказ от ответа или же изменение своей точки зрения по ходу подготовки ответа.

В вопросе о возможности достичь большего благополучия также фиксируется значительная доля отказов от ответа (40% от числа всех смещений), а кроме того – активный обмен репликами и произвольные, не предусмотренные вопросом высказывания (30%).

Таким образом, оба вопроса относятся к категории сравнительно благополучных – в том, что касается смещающих эффектов ответа. Тем не менее признаки проблемности все равно присутствуют. Сомнения в ответе, большой объем дискурса, не связанного с выполнением вопросного задания, изменение своего мнения в ходе подготовки ответа – все это закономерно приводит к основной проблеме: к отказу от ответа.

Так что же происходит с диалогом, когда респондентам задаются вопросы о благополучии и их месте в жизни?

Компонентный анализ

Кодирование и анализ выявили восемь компонентов социального самочувствия, которые присутствуют в рассказе о сегодняшней жизни и в представлениях о будущем (табл. 4).

Безусловными лидерами по частоте упоминаний оказываются “работа” и “материальное положение”. Второй эшелон составляют сразу три концепта: “возраст”, “семья” и “личные желания, устремления”. Остальные тематические фрагменты ответов оказались слабо представленными.

Все коды, за исключением номинации “социальный статус”, представляют собой метаописания, то есть обобщающие имена, присваивавшиеся высказываниям, которые семантически подходили (с точки зрения кодировщика) под выбранный код и не обязательно включали присутствующую в нем словоформу. Слова “социальный статус” произносили сами респонденты, однако осталось совершенно непонятным, референт ли это типичного вопроса при устройстве на работу либо при оформлении ссуды – или же обобщенная категория обыденного языка.

Табл. 4. Компоненты социального самочувствия в массиве совокупного ответа

Компоненты развернутого ответа	Частота	% от ед. наблюдения*	% от ответов
Работа	29	48,3	23,8
Материальное положение	23	38,3	18,9
Возраст	18	30,0	14,8
Семья	17	28,3	13,9
Личные желания	15	25,0	12,3
Социальный статус	8	13,3	6,6
Государство	7	11,7	5,7
Образование	5	8,3	4,1
Итого	122	221,8	100,0

* Как уже говорилось, опрашивались 30 респондентов, каждому задавалось по два вопроса, которые мы отнесли к разделу “социальное самочувствие”. Соответственно всего – 60 единиц наблюдений. В каждом ответе может содержаться несколько компонентов.

В дальнейшем мы остановимся только на первых пяти наиболее распространенных компонентах развернутого ответа.

Работа vs материальное положение

Как мы видим из табл. 4, чаще всего смысловыми коррелятами к обсуждаемым вопросам оказываются две темы: “работа” и “материальное положение”, причем первая представлена заметно чаще. Вот несколько примеров из расшифровок интервью.

“Интервьюер: Скажите, пожалуйста, удалось Вам или не удалось найти свое место в сегодняшней жизни?”

Респондент: В каком смысле – удалось?.. В отношении работы? Да, я работала в авиационном институте, назывался ВИАИ – есть такой, авиационных материалов. Нашла, конечно. Но дело все в прошлом”.

“Интервьюер: ...Скажите, пожалуйста, а как Вы поняли этот вопрос? О чем он?”

Респондент: Ну, о карьере в работе”.

Говорить об абсолютном доминировании именно этих компонентов в совокупном смысловом поле ответов нельзя: суммарно они встречаются в 43% случаев (23,8% + 18,9%) от частоты упоминания всех тематических компонентов.

Несмотря на явное семантическое пересечение – ведь материальное положение напря-

мую увязывается с наличием работы – эти концепты в половине случаев присутствуют в дискурсе ответа по отдельности, а в половине – совместно (в 22% случаев от частоты упоминания всех тематических компонентов).

“Интервьюер: Вот о чем этот вопрос, Вы можете сказать? Как Вы поняли этот вопрос – о месте в сегодняшней жизни?”

Респондент: Я понимаю, материальность – вот если бы у меня была бы стабильная работа. Ну, пенсия у меня стабильная есть, слава богу, но пенсия-то что? Опять-таки, может быть, для одной меня хватило бы, но у меня внучка, я... И сын у меня так вот, плавает: тоже может сегодня работать – завтра может без работы остаться. Вот как-то... В основном все из-за детей”.

Важным представляется еще один нюанс. Данные исследования позволяют говорить о том, что словосочетание “материальное положение”, как правило, ассоциируется с работой, и именно “работа” является основным объясняющим концептом. А вот обратное утверждение оказывается менее достоверным. Если человек сначала говорит о работе, то на связь с материальным положением в своей аргументации он выходит существенно реже. В табл. 5 приведены частоты переходов между двумя концептами: 61% против 48%⁶.

Здесь возникает повод усомниться в корректности отождествления материального и со-

⁶ Сложная таблица требует пояснений. Читать данные следует “по строке”, например: из числа всех случаев, когда респонденты так или иначе рассуждали о материальном положении, в 61% высказываний упоминались также темы, отнесенные к концепту “работа”. Остальное – аналогично.

Табл. 5. Парная встречаемость компонентов

(% по строке)

Компоненты развернутого ответа	Работа	Материальное положение	Возраст	Семья	Личные желания	Соц. статус	Образование	Государство
Работа		48	38	45	10	14	17	10
Материальное положение	61		35	26	9	22	9	17
Возраст	61	44		22	11	6	17	33
Семья	76	35	24		–	–	6	–
Личные желания	20	13	13	–		20	7	7
Социальный статус	50	63	13	–	38		–	25
Образование	100	40	60	2	20	–		2
Государство	43	57	86	–	14	29	14	

циального статусов, присутствующего во многих исследованиях на тему измерения субъективного благосостояния (см., напр.: [Srivastava, Locke, Bartol. 2001; Senik. 2005; Martin, Westerhof. 2003]).

Р. Бисвас-Дайнер с коллегами показывают, что выводы многочисленных исследователей кардинально расходятся с распространенным как в обыденном сознании, так и в масс-медиа представлением о прямой связи уровня дохода и субъективного благополучия [Diener, Suh. 1997. P. 191; Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 23]. Это замечание важно для нашего эксперимента. В формулировке вопроса о перспективах собственного благополучия есть уточнение: «жить лучше, богаче». Оно фокусирует внимание респондентов именно на материальном аспекте, довольно четко указывает, о чем именно спрашивается. Тем самым на уровне операционального определения (анкетного вопроса) производится смещение от первоначального концепта «благополучие» в сторону более определенного концепта – «материальное положение». В связи с этим неудивительно, что число обращений именно к этой теме существенно отличается по двум тестируемым вопросам: в первом – 10,3% случаев, во втором – 26,6% (см. далее по тексту табл. 6).

«Интервьюер: Как Вы думаете, Вы, Ваша семья, сможете или не сможете в ближай-

шие год-два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?

Респондент: В ближайшее время, да?

Интервьюер: В ближайшие год-два.

Респондент: Нет. Богаче – вряд ли.

Интервьюер: Вряд ли. У меня, значит, несколько вариантов ответа. Выберите, пожалуйста, один: «скорее не смогу», или «безусловно не смогу».

Респондент: Скорее не смогу. Года два уже до пенсии осталось работать. На пенсию придется идти».

Мы не можем однозначно утверждать, достоинством или недостатком формулировки вопроса является сфокусированность на теме материального положения как *компоненте* концепта «благополучие». С одной стороны, «благополучию» задается редуцированное прочтение: семья может и не рассчитывать на прирост благосостояния, но, тем не менее, оценивает свою ситуацию как вполне благополучную – основываясь на иных важных для себя аргументах. С другой стороны, расплывчатость базового концепта в обыденной семантике приводит в ситуации опроса к произвольным толкованиям, содержательный разброс в которых может быть очень существенным. Наверное, определенность все-таки предпочтительнее, хотя в данном случае можно говорить о недостаточно полной, однобокой операционализации базового концепта в задаваемых вопросах⁷.

⁷ Ситуация неопределенности дополняется еще и тем, что умения как прогнозировать, так и озвучивать собственные прогнозы о материальном положении перед незнакомцем у разных людей разные. Это достаточно традиционное утверждение, которое, тем не менее, важно учитывать в данном случае. Выявление же основных причин таких различий требует отдельного и довольно трудоемкого исследования.

Тем не менее мы можем зафиксировать, что “социальное самочувствие” как понятие в значительной мере состоит из проекций на материальное положение и ситуацию с работой. Однако определяющими их назвать нельзя: на долю других концептов-компонентов приходится более половины всех тем и обыденных интерпретаций ФОМовских вопросов, операционализирующих базовое понятие.

Возраст

Возраст – категория, которая, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к субъективным оценкам счастья. Видимо, по этой причине она никогда не включается в операциональные определения субъективного благосостояния⁸. Однако в нашей работе это один из наиболее часто встречающихся семантических компонентов тестируемых вопросов (см. табл. 4).

Интервьюер: Вы знаете, у меня есть ответы «скорее не удалось» или «безусловно не удалось»? Вот что ближе?

Респондент: Ну, скорее, наверное, не удалось... Потому что...

Интервьюер: ... А почему Вы выбрали этот вариант ответа?

Респондент: А потому что попробуйте устроиться в моем возрасте на работу. Берут молодых, красивых – а мне все-таки пятьдесят три года. Вот в чем заминка вся”.

“Интервьюер: А почему Вы выбрали этот вариант ответа – «скорее удалось»?

Респондент: Потому что возраст уже такой, 54 года, труднее найти работу. С работой повезло. Можно сказать, доволен работой. В нашем возрасте не так просто найти работу хорошую”.

Разговор о благосостоянии ассоциируется с субъективным ощущением собственного возраста – вне зависимости от того, проговаривается ли это обстоятельство (как в приведенных выше фрагментах), рефлексировается – или же остается на заднем плане артикулированных мо-

тивов. Не столь важно, сколько календарных лет исполнилось респонденту. Более значимый фактор – его ощущение и *переживание* возраста в качестве элемента собственной жизненной ситуации: обращенность к прошлому, устремленность в будущее, фиксация на настоящем, переживание исполнившихся лет, широта ретроспективной оценки прожитой жизни и т. д. Возраст – в социальной проекции – это важный социальный ресурс человека, и поэтому он, безусловно, связан с его историей достижений и со статусом. Однако с возрастом, как правило, меняются содержательные компоненты “субъективного возраста”: значимость одних элементов растворяется, значимость других – актуализируется. Для молодого человека (в субъективном смысле молодым может быть и сорока-, и пятидесятилетний мужчина) важнейшими параметрами “хорошей жизни” в большей степени являются материальные и статусные аспекты, которыми он уже располагает или будет располагать. А вот для пожилого человека на первый план выходит прожитая жизнь и достигнутые успехи, а также возможность распоряжаться собственным временем и телом по собственному желанию [MacPhee. 2005. P. 723]. Пожилой человек становится более индивидуализированным, буквально познает ценность человеческой свободы и дарованных природой физических возможностей. Однако это характеризует лишь субъективно благополучную часть старшего поколения. Забытые родственниками, отлученные от ежедневной работы, страдающие от болезней пожилые люди испытывают огромное количество проблем, подчас незаметных и не распознаваемых в качестве важных более молодым окружением. Отсюда и проистекает разница в оценках, интерпретациях вопросов о социальном самочувствии.

Вряд ли причина столь частных упоминаний возраста в связи с разговором о благополучии (в рамках нашего исследования) определяется особенностями опросного инструмента. Тести-

⁸ Хотя во многих исследованиях показана тесная связь между возрастом и социальным самочувствием и даже предприняты попытки измерения последнего для разных возрастных групп [Петрова. 2000; Ковалева, 2001; Хасбулатова, Егорова. 2002], исследователи не включают показатель субъективной оценки возраста в концепт социального самочувствия.

руемые вопросы о социальном самочувствии связывает временная перспектива: в первом спрашивается о сегодняшней жизни, во втором – о ближайшем годе или двух. Вместе с тем в ответах практически не обсуждается *время*, не актуализируется понятие “сегодняшней жизни”, не проясняется, чем жизнь сегодня отличается от жизни вчера и завтра. Только лишь один ответ из полученных шестидесяти полностью соответствовал операциональной схеме ФОМа и опирался на временное различие:

“Интервьюер: А как Вы поняли этот вопрос <о месте в сегодняшней жизни>?”

Респондент: Если кратко, то в этом случае здесь играет роль и материальная сторона человека. Как он вписался в жизнь после советского периода. Вот эти два вопроса”.

Однако в этом случае респондент раздвигает временные рамки: “сегодняшняя жизнь” трактуется им как длительный, более чем десятилетний период. В контексте такого ответа на первый вопрос, второй – о перспективах на *ближайшие год-два* – уже не имеет смысла, поскольку совпадает с референтным периодом первого.

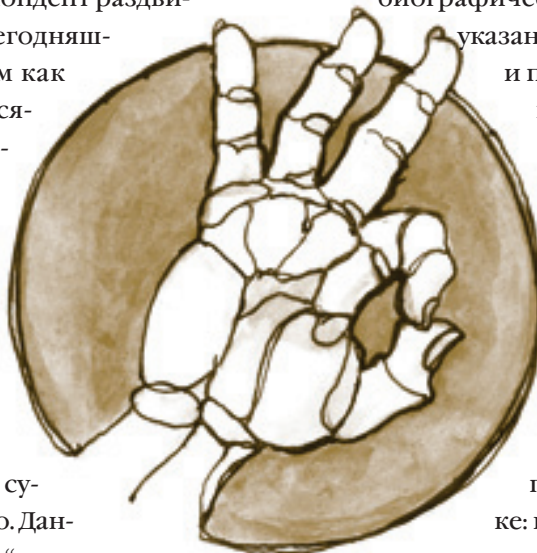
Следует отметить одно существенное обстоятельство. Данные вопросы, измеряющие “социальное самочувствие”, были сформулированы в иную общественную и политическую эпоху – в пореформенное время. Тогда различие “прошлого” и “настоящего” было актуальным и для тех, кто воспринимал настоящее болезненно, и для тех, кто в принципе принял новую ситуацию, вне зависимости от степени адаптации к ней. Понятие “сегодняшняя жизнь” было вполне определенным, так как содержало в себе существенное противопоставление: жизнь до масштабных преобразований. В приведенном выше ответе как раз и отразилась, была артикулирована респондентом эта “метаконцепция”. Единичность ответа показательна. Это означает, что

смысловое пространство концепта “сегодняшней жизни” существенно изменилось – хотя бы в том, что проблематизация пореформенного времени из некогда центральной стала периферийной.

Сегодня подавляющее большинство респондентов говорят уже о некотором “общем самочувствии”, придерживаясь скорее формально-временных рамок и не различая жизнь до и после глобальных перемен. “Время перемен” прошло, и теперь “место в сегодняшней жизни” означает место в жизни как таковой, а значит, остальные категории, с помощью которых в субъективном восприятии объясняется и доопределяется исходный концепт, выходят из тени прежних смысловых доминант. В том числе это и возраст в целом, возраст как индивидуальная биографическая характеристика, а не как указание на общественно значимый и публично проблематизированный событийно-ситуативный временной период.

Мы можем предложить и еще одну гипотезу, объясняющую столь регулярное обращение к категории возраста. В России традиционно возраст выступает сильной стратифицирующей категорией. Например, это отражено и в языке: независимо от степени близости или знакомства, старшие более

легко переходят на “ты” в общении с младшими по возрасту. До “социальной катастрофы” 90-х подавляющее большинство представителей старшего поколения были более обеспечены и тем самым имели более высокий статус в обществе. Сейчас ситуация изменилась, и материальное благосостояние 30–40-летних несопоставимо с благосостоянием их родителей. Изменились социо-экономические характеристики возрастных групп, однако стратификация по возрасту осталась, что не может не оказывать влияния на уровень социального самочувствия, является значимым параметром для его определения.

Семья

Несмотря на практически одинаковую частоту упоминаний о возрасте и о семье (см. табл. 4), в семантическом поле ответа эти компоненты ведут себя по-разному. Если упоминание о возрасте увязано практически со всеми другими компонентами и в этом отношении идентично упоминаниям о работе и материальном положении (табл. 5, строка “Возраст”), то о семье люди говорят исключительно в связке с работой, материальным положением и возрастом (табл. 5, строка “Семья”). Тема семьи разделяет ответы на два кластера. В первом человек ассоциирует себя с ближайшей группой и выступает скорее ее представителем (“МЫ”-ответ). Во втором – высказывается индивидуальная точка зрения, как правило, подкрепленная упоминанием о личных желаниях, социальном статусе, образовании и роли государства в личной жизни (“Я”-ответ).

“МЫ”-ответы подчеркивают значимость для респондента семьи, личную ориентацию на ее интересы.

“Респондент: Надеюсь очень на сына. Да. Мы с отцом уже пенсионеры, и у нас вот надежда на сына.”

Интервьюер: Сформулируйте, Вы сами ответьте – как?

Респондент: Честно сказать, может быть, у детей удастся. А нам, пенсионерам, будущим пенсионерам, это будет тяжело. Потому что квартплата растет, свет растет – все растет, Вы сами знаете. И приходится очень тяжело в жизни”.

“Я”-ответы всегда опираются на индивидуальный выбор, не зависящий от ближнего окружения.

“Интервьюер: И как Вы поняли этот вопрос, о чем он? Попробуйте сформулировать его своими словами. Вопрос был – Вы помните, да? – «Сможет или не сможет Ваша семья в ближайший год-два повысить свой уровень жизни? Жить лучше, богаче, чем сегодня?»

Респондент: Буквально, думаю, смогу ли я поднять свой социальный статус, я так думаю. Я думаю, что смогу”.

“Интервьюер: Вы знаете, у меня есть варианты ответа: «безусловно удалось», «скорее удалось» – какой ближе?

Респондент: Безусловно.

Интервьюер: А почему выбрали именно этот вариант ответа?

Респондент: Не знаю (смеется.) Повезло, наверное, просто, поэтому – безусловно.

Интервьюер: Вот как Вы поняли этот вопрос, то, что я Вам задала? Попробуйте сформулировать его своими словами. Вопрос был: «Удалось или не удалось Вам найти место в сегодняшней жизни?»

Респондент: Не знаю, я думаю, если... я сильно не вдумывался, конечно, а если удалось, то как на удачу. А если так, то вопрос, чего я как бы добился от этого. То есть было ли стремление. Ну, вот я и говорю: удалось”.

Промежуточный случай, когда ответ дается в индивидуальной модальности, однако упоминается о семье (пусть даже и отсутствующей), можно охарактеризовать как “МЫ”-ответ. Например:

“Интервьюер: Вы ответили, что скорее... удалось?

Респондент: Мне, кажется, что да, удалось. На самом деле я вот не замужем. Может, кто-то подумает, что нет... Мне нравится моя работа, нравится моя спокойная жизнь (говорит со смехом)”.

Респондент вроде бы говорит о себе, но при этом держит в голове образ семьи, точнее, этот образ присутствует как ценность. Можно предположить, что ответы респондента связаны с позиционированием относительно отсутствующей, но желаемой “МЫ”-группы.

Разнесенность ответов на два кластера не зависит от формулировки вопроса. Несмотря на то, что только во втором вопросе явно указывается на семью, тогда как первый сформулирован в предельно индивидуальном модусе, компонент семьи возникает в ответах с одинаковой частотой (см. табл. 6).

Частично это связано с расширительной формулировкой второго вопроса, в котором респонденту фактически предоставляется выбор говорить либо лично о себе, либо о своей семье. В результате в одном вопросе смешиваются два принципиально разных плана ответов. Речь уже идет не только об упоминании или неупоминании семьи, но и о возможной семантической

Табл. 6. Компоненты социального самочувствия для двух вопросов

Компоненты развернутого ответа	Вопрос 1 “место в жизни”		Вопрос 2 “уровень жизни”	
	частота	%	частота	%
Работа	15	25,9	14	21,9
Материальное положение	6	10,3	17	26,6
Возраст	11	19,0	7	10,9
Семья	8	13,8	9	14,1
Личные желания	9	15,5	6	9,4
Социальный статус	3	5,2	5	7,8
Образование	3	5,2	2	3,1
Государство	3	5,2	4	6,3
Итого	58	100,0	64	100,0

дихотомии – семья против индивидуальных амбиций, выраженных в социальном статусе, образовании и личных желаниях. Однако и для первого из вопросов ситуация непростая: здесь ничего не говорится о семье, да и вопрос обращен лично к респонденту, но, как мы видим, некоторые формировали свой ответ все равно сквозь призму “МЫ”-образа (что формально не релевантно вопросному заданию). Отсутствие инструмента для различения в ответах личной позиции и роли информанта приводит к появлению артефактов в агрегированных данных [Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 19].

Личные желания

“Нельзя говорить о субъективном благополучии в отрыве от личных, сугубо индивидуальных желаний”, – так А. Блудворт описывает базовое предположение для концепта субъективного благополучия, или – шире, по Л. Самнеру – для теории жизненного удовлетворения [Bloodworth. 2005. P. 213–214]⁹. Только мотивированный индивид, осознающий собственные желания в контексте внешних ограничений, может оценивать свои достижения и актуальное положение. “В концепте субъективного благополучия заложено предположение, что человек имеет разнообразные ценности, цели и желания. На основании этих ценностей и целей, а также жизненных обстоятельств мы предлагаем ему решить, чем он удовлетворен” [Diener, et al. 1998. P. 35]. Другими словами, субъективное благополучие – это эле-

мент теории гедонистического поведения, согласно которой человек не может не стремиться к наиболее комфортным для себя состояниям (подробнее см. сборник [Well-being. 1999]). Это не значит, что человек немотивированный и не задумывающийся над жизнью не может быть счастливым. Скорее всего, наоборот, счастье основано на незнании. Акцент на мотивах лишь отражает феноменологические основания приемов, измеряющих субъективное благополучие: не зная мотивов субъекта, мы не можем эксплицитно субъективно полагаемый смысл, а значит, сама методика не позволяет судить о благополучии, которое по своей природе глубоко индивидуально и субъективно.

Оценивая детерминанты счастья людей, Р. Бисвас-Дайнер и его коллеги также выделяют три субъективных области, определяющих благополучие: (1) индивидуальные, психологические характеристики человека; (2) адаптация к положительным или отрицательным событиям личной жизни; (3) социальные взаимоотношения, прежде всего – наличие близких интимных отношений, построенных на доверии [Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 21–22]. Операциональные определения, применяемые в массовых опросах, основываются на противоположных предпосылках, на предположении о социальной обусловленности субъективных оценок. Личные желания и мотивы, как правило, выпадают из процедуры измерения социального самочувствия. Удивительно, но в нашем эксперименте

⁹ А. Блудворт ссылается исключительно на теорию социального благополучия Дж. Гриффина. Однако редукция столь важного концепта до одного имени представляется неоправданной и как минимум вводящей в заблуждение неискущенного читателя.

мы могли наблюдать подтверждение этого довольно категоричного суждения. Несмотря на то, что компонент “личных желаний” относительно часто встречается в ответах (табл. 4), он, как правило, не соединяется с другими компонентами развернутого ответа (см. частоты парной встречаемости в табл. 5). Если респондент начинает рассуждать о мотивах, желаниях или целях, для остальных компонентов в рамках обмена репликами уже не остается места.

“Интервьюер: *А почему выбрали именно этот вариант ответа?*”

Респондент: *Не удалось, потому что хотелось одно – а это не получилось.*

Интервьюер: *Вот как Вы поняли этот вопрос? Может быть, переформулируете своими словами?*

Респондент: *Нет, Вы знаете как, удалось – не удалось. То есть у человека есть, допустим, желание какое-то там или еще на что-то, к чему-то он стремился. Шел человек к чему-то – не получилось, значит, не удалось, вот и все”.*

Такие рассуждения, как правило, абстрактны. Респонденты избегают говорить о своих целях, не сопоставляют достоинства или недостатки возможных решений, уклоняются от обсуждения личных планов.

“Интервьюер: *Вот как Вы поняли этот вопрос? О чем он? Попробуйте этот вопрос сформулировать своими словами – вопрос о том, удалось или не удалось Вам найти место в сегодняшней жизни, как Вы понимаете?*”

Респондент: *Ну, я понимаю, то, что это, наверное... Никак не понимаю. Я сейчас не могу Вам ответить. Я сейчас не соображу (смеется).*

Интервьюер: *То есть Вы поняли этот вопрос, как вопрос о?..*

Респондент: *Ну, как бы какую-то позицию в жизни я занимаю, к какой стремился. Мне, в принципе, легко живется”.*

По коротким диалогам мы не можем судить о наличии или отсутствии у респондентов сформированных и рациональных представлений о собственной жизни. Однако можно с уверенностью зафиксировать закрытость и приватность дискурса о личных планах. Если в западной англоязычной культуре “счастье” (happiness) и “благополучие” (well-being) являются распространенными обыденными понятиями, включенными как в частные повседневные разговоры, так и в публичный дискурс [Науброн. 2003. Р. 308, 312], то у нас, по всей видимости, дело обстоит иначе. Мы не склонны обсуждать эту тему не только с посторонними, но зачастую – и с близкими людьми. Счастье, личное благополучие – компоненты интимной, сугубо приватной зоны нашего сознания и общения. Ответы на прямо поставленные вопросы – “Насколько Вы счастливы? Насколько удовлетворены собственной жизнью?” – могут формулироваться исходя из защитных мотивов, ограничивая приватную сферу от публичного дискурса. Речь не идет об искренности или лжи респондента. Проблема состоит

в том, что эта тематика, скорее всего, оказывается абсолютно неконсистентной для жанра коротких ответов на вопросы незнакомых людей.

Особенности операционализации

Сопоставляя полученные нами результаты с исследованиями других авторов, кратко остановимся на пяти важнейших особенностях операционального определения социального само-

чувствия. Нами будут рассмотрены (по возможности – критически):

- 1) временная структура определения, по-прежнему доминирующая в социологических и маркетинговых опросах, проводящихся в России;
- 2) генерализующие, или “общие”, вопросы в модальности “если говорить в целом...”, основанные на “прямой модели” Бриджмэна-Ландберга¹⁰;
- 3) материальное положение как идеальная модель субъективного благосостояния, реализуемая в большинстве российских исследований.

Оставшиеся два пункта посвящены процедурам, которые необходимо осуществить для проведения операционализации. Это:

- 4) перечень компонентов, или конструкторов, подлежащих дальнейшей спецификации и сопоставлению с набором индикаторов;
- 5) непосредственно процесс операционализации – формулирование анкетных вопросов как элементов конструктивно-индикативной матрицы.

Временная структура

подавляющее большинство российских исследовательских компаний (Левада-центр, ВЦИОМ, РОМИР, ГФК-Русь, Циркон, ФОМ и др.) применяют операциональные определения, которые можно классифицировать на три домена.

- А) оценка материального положения семьи на момент исследования;
- Б) оценка уровня жизни семьи через один-два года;
- В) уровень адаптированности к происходящим в стране переменам [Батурова. 2005. С. 73].

К настоящему моменту составленные в начале 1990-х годов вопросы о социальном самочувствии перестали отражать динамику среднесрочных изменений в восприятии респондентом своего места в обществе. По всей видимости, время перемен прошло, и общество из трансформирующегося становится все более стабиль-

ным. Измерение представлений людей о своем будущем статусе в достаточно короткой перспективе валидно лишь в контексте общественных преобразований, значимых с точки зрения индивида [Гуревич. 2001. С. 11]. В нашем исследовании респонденты дают оценки жизни вообще, а не текущих событий или каких-либо среднесрочных изменений. Долгое время исследователи не могли найти инструментария для различения в опросах общественного мнения ситуативного настроения, зависящего от текущих событий, и более стабильных переживаний, отражающих субъективное благополучие [Bradburn. 1967; Glenn, Weaver. 1981. P. 28–29]. С некоторыми допущениями и оговорками Е. Дайнер и Е. Су показали, что субъективные оценки благополучия мало зависят от ситуативных, психологических факторов [Diener, Suh. 1997. P. 205], в оценках событий обыденной жизни у людей наблюдается большая инертность. “Сегодняшний день” трансформируется в сознании респондента в “сегодняшнюю жизнь”, и оценке подвергается вся личная биография – с позиции нынешних представлений о хорошем и плохом, об успехах и неудачах. Возможно, нивелированию сиюминутных переживаний или настроений в ответах способствует и контекст стандартизированного интервью. Как правило, в разговоре с незнакомым человеком мы не склонны посвящать его в свои текущие проблемы и переживания.

Применительно к тестируемым вопросам временной маркер “сегодняшний день”, включенный в первый из вопросов, не исправляет коммуникативную ситуацию, а лишь вводит исследователя в заблуждение на этапе интерпретации вопроса. Кроме того, в формулировках присутствует и ряд логических несогласований. Если адаптация оценивается по предельно абстрактной схеме, позволяя респонденту как угодно толковать понятие “места”, то “оптимизм” или

¹⁰ Прямая модель основана на взаимно однозначном соотношении между теоретическим конструктором и наблюдаемой в поле переменной. Каждой переменной соответствует процедура идентификации объекта, которая называется операциональным определением: “Определение является операциональным, если установлена надежная процедура идентификации (включая используемые материалы) определяемого выражения” [Dodd. 1943. P. 482]. Любая переменная относится к одному и только одному концепту и представляет собой набор измерительных операций: “Я определяю концепт в терминах операций, посредством которых я подхожу к нему” [Landberg. 1939. P. 54].

“пессимизм” редуцируются до материального благосостояния. Далее, оценка адаптации касается лично респондента, а предположения о будущем уже могут быть перенесены на семью. Если этим планируется снять когнитивные затруднения у тех респондентов, которые отождествляют себя с семьей, это следовало бы делать и в первом вопросе.

Общие вопросы

Несмотря на широкое применение в российских и зарубежных исследованиях “общих” вопросов о социальном благополучии [Praag, Frijters, Ferrer-i-Carbonell, 2003, p.30]¹¹, эту практику нельзя признать удовлетворительной. За оценкой “в целом” своего места в жизни или степени удовлетворенности ею скрываются самые разные основания и домены обыденной реальности. В научно фундированных исследованиях, как правило, отсутствуют одиночные вопросы, посвященные интегральной оценке субъективного благосостояния; общие вопросы всегда сопровождаются несколькими частными, позволяющими хотя бы предположить, каковы будут возможные ошибки измерения. Например, в исследовании Н. Гленна и Ч. Фивера, посвященном влиянию уровня образования на субъективное благополучие, наряду с общим вопросом об удовлетворенности жизнью анализировались вопросы о счастье, о субъективном здоровье, об удовлетворенности ближайшим окружением, семейной жизнью, друзьями, здоровьем, наличием свободного времени [Glenn, Weaver. 1981. P. 27].

В нашем исследовании было выделено восемь компонентов совокупного ответа: работа, материальное положение, возраст, семья, личные желания, социальный статус, образование, государство. Участвуя в интервью, респондент не

учитывает все возможные значимые компоненты, а придерживается какого-то одного, в лучшем случае – нескольких. Если бы он всегда выбирал самую значимую для себя тему или обстоятельство, можно было бы не беспокоиться о качестве измерения. Однако в рамках стандартизированной процедуры у нас нет ни теоретических обоснований, ни эмпирических способов проверить, происходит ли это именно так. В итоге, с одной стороны, оценка респондента может изменяться в зависимости от актуализированного именно в момент интервью компонента. С другой стороны, сравнение оценок между разными группами респондентов становится проблематичным, поскольку могут возникнуть систематические смещения, связанные с коммуникативными, когнитивными или экспрессивными условиями интервью [Bertrand, Mullainathan. 2001. P. 68–70]. Например, на различие в оценках между разными регионами может оказать влияние стиль интервьюеров, работающих в разных опросных компаниях.

Главная проблема интерпретации ответов на “общие” вопросы о социальном благополучии состоит в невозможности наблюдать, как эти ответы формируются. Мы вынуждены принять на веру соответствие вербальных ответов у всех людей, участвовавших в опросе, их внутреннему состоянию [Senik. 2005. P. 45]. Другими словами – признать отсутствие контекстуальных эффектов, иронических ответов, разных смысловых интерпретаций одинаковых вариантов ответа. При этом исследователь не может объяснить причины формирования ответов на сложные, комплексные вопросы, не может интерпретировать первичную структуру различий, возникающую у респондента в ходе ответа. Он вынужден приписывать распределениям собственные, под-

¹¹ Например, вопрос об удовлетворенности жизнью, разработанный коллективом исследователей под руководством Р. Инглехарта (Мичиганский университет) в 1974 году и включенный в международное многолетнее исследование общественного мнения – Евро-Барометр: “On the whole, are you very satisfied, fairly satisfied, not very satisfied or not at all satisfied with the life you lead?” В России многие компании пользуются переводом этого вопроса, например, он включен в ежемесячные общероссийские опросы Левада-Центра и ВЦИОМа: “Если говорить в целом, то в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?” – (1) вполне устраивает, (2) по большей части устраивает, (3) отчасти устраивает, отчасти нет, (4) по большей части не устраивает, (5) совершенно не устраивает, (6) затрудняюсь ответить. Или другой обобщенный вопрос об оценке текущей жизненной ситуации, включенный в ежемесячные опросы Левада-Центра: “Какое из приведенных ниже высказываний более соответствует сложившейся ситуации?” – (1) все не так плохо, и жить можно, (2) жить трудно, но можно терпеть, (3) терпеть наше бедственное положение уже невозможно, (4) затрудняюсь ответить”.

час нераспознаваемо абсурдные интерпретации, опираясь лишь на допущения, далекие от реальной коммуникативной ситуации интервью.

Материальное положение

Основываясь на материалах проведенного нами эксперимента, можно утверждать, что не существует доминирующего компонента, к которому, при известных допущениях, мы могли бы свести ответы респондентов на “общий” вопрос об удовлетворенности жизнью. Использование концепта “материальное положение” в семантической конструкции второго вопроса (“жить лучше, богаче”) можно оценить как методическую ошибку опросного инструмента. Большинство западных исследователей ориентируются на результаты экспериментов и опросов общественного мнения и различают *социальное самочувствие* и *субъективную оценку* материального положения. В российских опросах и научных исследованиях доминирует противоположная позиция, согласно которой главный системообразующий показатель социального самочувствия – именно оценка опрашиваемыми своего материального положения. Доводы в пользу именно такой редукции оказываются теоретически слабыми. Например, А.С. Готлиб так обосновывает свою позицию: “Выбор субъективной оценки людьми своего материального положения в качестве типобразующего признака осуществлялся нами по принципиальным соображениям. На наш взгляд, именно восприятие своего материального положения, его оценка, вбирающая в себя и степень удовлетворения собственных притязаний, и представления о социальной норме, выступает определенным результатом, некоей точкой, фиксирующей меру успешности индивида на пути его адаптации к изменяющейся социальной среде” [Готлиб. 2001. С. 53]. В данном случае в качестве обоснования совершенно определенного методического решения выступает убеждающая речь и аргументация *ad hominem*, а не ссылка на эксперименты или разработки иных исследователей. Думается, что ситуация, когда теоретическим обоснованием проводимой операционализации пренебрегают, не уникальна.

Компоненты социального самочувствия

Компоненты социального самочувствия, выделенные нами посредством свободного кодирования, согласуются с результатами других методических исследований. Так, Э. Кэмпбелл, изучая представления американцев о хорошей жизни, получил следующий набор сфер, ранжированных в порядке убывания: экономическая стабильность, хорошие отношения в семье, сильный и жизнестойкий характер, верные друзья, внешне привлекательная окружающая среда [Campbell. 1981. P. 6]. Другие исследователи, например, Ф. Андриус и С. Вити, проводя операционализацию субъективного благосостояния, рассматривали пять компонентов: дом, работа, семья, свободное время и государство [Andrews, Withey. 1976. P. 234].

Частным компонентам социального самочувствия посвящено множество самостоятельных исследовательских программ. Отдельно изучаются:

- материальное благосостояние, его субъективная оценка, влияние неравного распределения доходов населения на оценки субъективного благополучия [Ferrer-i-Carbonnell, Praag. 2001; Srivastava, Locke, Bartol. 2001; Martin, Westerhof. 2003; Senik. 2005];
- удовлетворенность отношениями в семье [Andrews, Abbey, Halman. 1991; Rask, et al. 2003];
- чувство принадлежности к некоторому обществу, ощущение собственной востребованности [Daniels, Guppy. 1994];
- сформированность личных целей, амбициозность индивидуальных планов, уверенность в собственных силах [Diener, Fujita, 1995];
- профессионализм и удовлетворенность занимаемой должностью, нынешним рабочим местом [Christiansen, et al. 1999];
- религиозность, отношение к другим конфессиям [Emmons, Cheung, Tehrani, 1998; Ellison. 1991];
- состояние здоровья, субъективное отношение к боли [Rose, Bengtsson, 1996; Rejeski, et al. 2001].

Поскольку компоненты, встретившиеся в нашем исследовании, так или иначе обсуждаются и в других эмпирических работах, это говорит

об адекватности теоретической конструкции концепта социального самочувствия (сказанное относится к конструктивной валидности). Вызывает вопрос лишь компонент “личные цели”. Несмотря на его абсолютное соответствие концепту благосостояния, есть большие сомнения в возможности адекватного измерения личных, индивидуальных мотивов в стандартизированном опросе общественного мнения.

Особенности операционализации

Проводя тематическую разметку респондов, появившихся в ходе разговоров о вопросах, мы получили лишь перечень конструктов, составляющих элементов исходного концепта благополучия. Однако, если следовать модели П. Лазарсфельда, это лишь начальный этап операционализации.

Исследователь выделил три этапа спецификации. На первом исходный образ, или концепт разделяется на компоненты, или величины (*dimensions*), которые представляют более точные и детализированные описания и образуют совокупность понятий, описывающих теоретический конструкт [Lazarsfeld. 1993. P. 241]. На втором этапе каждому компоненту теоретического конструкта ставится в соответствие некоторая совокупность эмпирических индикаторов. П. Лазарсфельд подчеркивает, что индикаторы соотносятся с концептами не жестко, а вероятностно: “каждый индикатор имеет лишь приблизительное отношение к тому, что мы в действительности хотим знать” [Lazarsfeld. 1993. P. 241–242]. В зависимости от теоретической схемы исследования индикаторы могут повторяться или замещаться у разных концептов. На третьем шаге индикаторы преобразуются в анкетные вопросы, которые и предполагается задавать респонденту. Вслед за Лазарсфельдом [Lazarsfeld. 1958, 1972, 1993] в методической литературе обычно останавливаются на четырех понятиях, представляющих процедуру операционализации: концепт, конструкт (результат спецификации концепта – набор величин), индикатор и переменная (или операциональное определение).

Итак, отбор индикаторов – отдельная, не менее сложная задача. Очень трудно измерить

субъективную оценку перечисленных конструктов, поскольку само оценивание представляет собой нетривиальную, а главное – скрытую от исследователя процедуру [Naess. 1999. P. 116]. Ф. Андриус и С. Вити для измерения субъективного благополучия предлагают следующие индикаторы: признание, включенность, самодостаточность, безопасность, спокойствие, красота, независимость, веселье и уровень жизни [Andrews, Withey. 1976. P. 234]. Если обратиться к упомянутым выше пяти конструктам Андриуса и Вити (дом, работа, семья, свободное время и правительство), вместе они составят целую батарею анкетных вопросов. Например, пересечение конструкта “дом” и индикатора “красота” позволяет сформулировать примерно такой вопрос: “Насколько красив и привлекателен для Вас дом, в котором Вы проживаете?” [Andrews, Withey. 1976. P. 13]. Однако подобный многомерный подход к операционализации субъективного благополучия встречается в единичных случаях. Наибольшее распространение среди исследователей получил индикатор удовлетворенности [Praag, Frijters, Ferrer-i-Carbonell. 2003. P. 31], который позволяет сформулировать разнообразные анкетные вопросы (табл. 7).

К. Раск с коллегами предлагает альтернативную схему составления анкетных вопросов. Основоволагающими индикаторами в ней выступают: в эмоциональной компоненте – а) степень удовольствия/разочарования и б) проблемное или плохое состояние дел; в когнитивной составляющей – в) информированность и г) реальное поведение.

В первом индикаторе измеряется степень удовлетворенности обыденных потребностей, например, поддержание чувства собственного достоинства, внимание к позитивным событиям, оптимистические установки на жизнь и т. д. Второй индикатор, плохое состояние, выявляет обеспокоенность текущими проблемами и сложной ситуацией, например, с коллегами, родителями, деньгами. Третий и четвертый компоненты отражают активность или пассивность жизненной позиции: способность респондента приводить конкретные примеры своих действий, знание им текущих событий, в которых он может принять

Табл. 7. Индикатор “удовлетворенности” и операциональные определения социального самочувствия

Конструкт	Формулировка
Работа	(1) “Насколько Вы удовлетворены социальным статусом, который сейчас занимаете (работой, учебой, пенсией)?” – полностью удовлетворен(-а), скорее удовлетворен(-а), скорее не удовлетворен(-а), полностью не удовлетворен(-а), затрудняюсь ответить.
Деньги	(1) “Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?” – очень хорошее, хорошее, среднее, плохое, очень плохое, затрудняюсь ответить.
	(2) “К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести: мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты; на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения; денег хватает на продукты питания и на одежду, но покупка вещей длительного пользования для нас недоступна; мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи; мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое?”.
Возраст	(1) “Чтобы в целом чувствовать себя более комфортно, хотели бы Вы оказаться в другом возрасте, стать младше или старше, чем теперь?” – устраивает мой возраст, хотел бы стать младше, хотел бы стать старше, затрудняюсь ответить.
	(2) “Как Вы думаете, взрослым людям какого возраста в нашей стране живется наиболее комфортно, хорошо?”
Семья	(1) “Насколько Вы удовлетворены своим семейным положением?” – полностью удовлетворен(-а), скорее удовлетворен(-а), скорее не удовлетворен(-а), полностью не удовлетворен(-а).
	(2) “Как Вы считаете, в целом Ваша семья лучшая из возможных, лучше других семей, типичная похожая на другие семьи, хуже других семей или худшая из возможных?”
	(3) “Ваша семья живет лучше или хуже, нежели семьи Ваших друзей, знакомых, сослуживцев?” – значительно лучше, несколько лучше, одинаково, несколько хуже, значительно хуже, затрудняюсь ответить.

участие, и т. д. [Rask, et al., 2003, p. 131]. Однако и при таком подходе проблематично избежать чрезмерного удлинения анкеты. Поддержание баланса между точностью получаемых замеров и объемом инструментария – сложнейшая задача, решить которую в рамках настоящего исследования не представляется возможным.

* * *

Инструментарий исследования отражает не только то, о чем спрашивали и что хотели бы узнать исследователи. В тезаурусе и номенклатуре вопросов отражаются априорные предположения, а зачастую – собственные установки разработчиков. Кроме того, в формулировках отражается и время – с его актуальными событиями и актуализированными смыслами тех или иных понятий из общественно-политического лексикона.

“Пореформенное время” закончилось, и с наступлением новой эпохи прежние индикаторы потеряли свою эксплицирующую силу (точно так же, как наличие видеоманитофона перестало быть индикатором благосостояния), а прежние понятия – свою номинативную четкость. Большинство операциональных схем социального самочувствия формировалось в иное вре-

мя и в иных обстоятельствах. Они основаны на измерении уровня адаптированности к переменам, на субъективных прогнозах и в значительной степени уже не отражают концепт социального самочувствия.

В решении этой задачи ФОМ придерживался “прямой” модели, работая с типологией из двух гипотетически непротиворечивых переменных. Однако наш эксперимент показывает, что сегодня этого недостаточно, и, по всей видимости, нельзя обойтись без более сложной индикативной схемы. Концепт социального самочувствия слишком сложен, чтобы редуцировать его до нескольких элементарных суждений. С другой стороны, проблема не решится и иной стратегией – задавать обобщающий вопрос, пренебрегая метафоричностью основного концепта.

Есть еще несколько важных соображений, скорее пессимистического свойства, поскольку показывают сложность задачи измерения социального самочувствия.

1. Многие операциональные определения сами содержат слишком общие понятия с размытыми смысловыми границами. Не ясно, можно ли избежать опасности бесконечного регресса

в определении понятий, о котором предупредил П. Бриджмэн.

2. Формат стандартизованного интервью не только не располагает к откровенной доверительной беседе, но и не дает никаких шансов проверить адекватность полученных ответов концепту “социального самочувствия”. Перед нами реальная опасность получить ложные или ситуативные сведения.

3. Социальное самочувствие не может быть сведено лишь к материальному благополучию. В особенности сегодня, когда шоковое восприятие действительности минуло и тематическое наполнение исходного концепта реально – по факту существующих в рассуждениях людей слов и понятий – усложнилось. Нарочито экономическое смещение вопросного задания с очевидностью блокирует другие, не менее важные смысловые области социального самочувствия.

4. При измерении субъективного благополучия важно учитывать, о ком идет речь: о респонденте или же о его ближайшем окружении, семье. Безусловно, порой бывает трудно последовательно проводить такое различие. С другой стороны, смешение двух модальностей может приводить к серьезным смещениям среди “Я”- и “МЫ”-ориентированных респондентов.

И последнее. Предложенная система индикаторов и конструкторов не гарантирует получения качественных анкетных формулировок. Каждый вопрос, даже многократно используемый в других исследованиях, подлежит тщательному тестированию на предмет его адекватного восприятия и интерпретации.

Литература

Andrews F.M., Abbey A., Halman L.J. Stress from infertility, marriage factors, and subjective well-being of wives and husbands // *Journal of Health and Social Behavior*. 1991. Vol. 32. № 3. P. 238–253.

Andrews F.M., Witbey S.B. Social indicators of well-being: America’s perception of life quality. New York: Plenum Press, 1976.

Bertrand M., Mullainathan S. Do people mean what they say? Implications for subjective survey data // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. № 2. P. 67–72.

Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M. The psychology of subjective well-being // *Daedalus*. 2004. Vol. 133. № 2. P. 18–25.

Bloodworth A. Theories of well-being // *Nursing Philosophy*. 2005. Vol. 6. P. 213–215.

Bradburn N. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1967.

Campbell A. The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. New York: McGraw-Hill Book Company. 1981.

Christiansen C.H., Backman C., Little B.R., Nguyen A. Occupations and well-being: a study of personal projects // *American Journal of Occupational Therapy*. 1999. Vol. 53. No. 1. P. 91–100.

Daniels K., Guppy A. Occupational stress, social support, job control, and psychological well-being // *Human Relations*. 1994. Vol. 47. № 12. P. 1523–1544.

Diener E., Sapyta J.J., Sub E.M. Subjective well-being is essential to well-being // *Psychological Inquiry*. 1998. Vol. 9. № 1. P. 33–37.

Diener E., Fujita F. Resources, personal strivings, and subjective well-being: a nomothetic and idiographic approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68. № 5. P. 926–935.

Diener E., Sub E.M. Measuring quality of life: economic, social, and subjective indicators // *Social Indicators Research*. 1997. Vol. 40. № 1/2. P. 189–216.

Dodd S.C. Operational definitions operationally defined // *American Journal of Sociology*. 1943. Vol. 48. № 4. P. 482–489.

Emmons R.A., Cheung C., Tebrani K. Assessing spirituality through personal goals: Implications for research on religion and subjective well-being // *Social Indicators Research*. 1998. Vol. 45. P. 391–422.

Ferrer-i-Carbonnell A., Praag van B. Poverty in Russia // *Journal of Happiness Studies*. 2001. Vol. 2. № 2. P. 147–172.

Glenn N.D., Weaver C.N. Education’s effects on psychological well-being // *Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. № 1. P. 22–29.

Griffin J. Well-being: Its meaning, measurement and moral importance. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Haybron D.M. What do we want from a theory of happiness? // *Metaphilosophy*. 2003. Vol. 34. № 3. P. 305–329.

Kafka G.J., Kozma A. The construct validity of Ryff’s scales of psychological well-being (SPWB) and their

relationship to measures of subjective well-being // Social Indicators

Lazarsfeld P.F. Evidence and inference in social research // *Daedalus*. 1958. Vol. 87. P. 99–130.

Lazarsfeld P.F. Methodological problems in empirical social research // P. Lazarsfeld On social research and its language / Ed. and with introduction by R. Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993b. P. 236–254.

Lazarsfeld P.F. Qualitative analysis: Historical and critical essays. Boston: Allyn & Bacon, 1972.

Lazarsfeld P.F. Sociology of empirical social research // P. Lazarsfeld On social research and its language / Ed. and with introduction by R. Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993a. P. 257–274.

Lundberg G.A. Foundations of sociology. New York: The Macmillan Company, 1939.

MacPhee J.K. [Rev.] Health, well-being, and older people: Reed J., Stanley D., Clarke C. Health, well-being, and other people. Bristol: The Policy Press, 2004 // *Geriatric Literature*. 2005. Vol. 53. № 4. P. 722–723.

Martin M., Westerhof G.J. Do you need to have them or should you believe you have them? Resources, their appraisal, and well-being in adulthood // *Journal of Adult Development*. 2003. Vol. 10. № 2. P. 99–112.

Naess S. Subjective approach to quality of life // *Feminist Economics*. 1999. Vol. 5. № 2. P. 115–118.

Praag van B.M.S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2003. Vol. 51. № 1. P. 29–49.

Rask K., Estedt-Kurki P., Paavilainen E., Laippala P. Adolescent subjective well-being and family dynamics // *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. 2003. Vol. 17. № 2. P. 129–138.

Senik C. Income distribution and well-being: What can we learn from subjective data? // *Journal of Economic Surveys*. 2005. Vol. 19. № 1. P. 43–63.

Srivastava A., Locke E.A., Bartol K.M. Money and subjective well-being: It's not the money, it's the motives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 80. № 6. P. 959–971.

Well-being: The foundations of hedonic psychology / Ed. By D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz. New York: Russell Sage Foundation Press, 1999.

Батурова Е.Ю. Критический анализ подходов к измерению социального самочувствия: Дисс. на соиск. звания магистра социологии Манчестерско-

го университета. Московская высшая школа социальных и экономических наук. Рукопись. М., 2005.
Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1997.

Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности – неуспешности // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 51–56.

Гуревич М.А. Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыночным отношениям: на примере Челябинской области. Челябинск: НТЦ-НИИОГР. 2001.

Душацкий Л.Е. Материально-властные ресурсы россиян в самооценке и социальном самочувствии // *Социологические исследования*. 2004. № 4. С. 64–71.

Жукова Н.В. Индикаторы социального развития как инструмент социального программирования: зарубежный опыт // *Социология: методология, методы, математические модели*. 1994. № 3/4. С. 110–153.

Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 73–79.

Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // *Социологические исследования*. 2000. № 12. С. 50–55.

Рогозин Д. Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента // *Социальная реальность*. 2006. № 9. С. 97–105

Рогозин Д., Климов И., Мануильская К. Тестирование вопросов о доходе // *Социальная реальность*. 2006. № 11. С. 103–115.

Рогозин Д., Мануильская К. Тестирование вопросов о профессиональном статусе // *Социальная реальность*. 2006. № 10. С. 111–118.

Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // *Социологические исследования*. 1996. № 6. С. 63–75.

Хасбулатова О.А., Егорова Л.С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 48–54.